

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Р. Р. ГЕЛЬГАРТ

О СРАВНИТЕЛЬНОМ ИЗУЧЕНИИ РАБОЧЕГО ФОЛЬКЛОРА

Исследование фольклорного репертуара, бытующего у рабочих, позволяет установить, в чем именно проявилась творческая инициатива данной социальной среды, какие разновидности жанровых форм народной словесности создавались промышленными рабочими.

Но ограничиваться изучением только состава репертуара нельзя. Поскольку произведения, которые бытуют в рабочих коллективах, имеют различный генезис, появляется настоятельная потребность расширить круг источников исследования. В составе репертуара выделяются сказки, легенды, предания, песни, «малые жанровые формы», созданные крестьянами, солдатами, городскими ремесленниками, мещанами и носящие на себе печать своего социального происхождения. Эти черты легко сглаживаются, стираются, когда произведения, перейдя из одной социальной среды в другую, продолжают исполняться в иных условиях общественного быта. На место утраченных элементов появляются новые, почерпнутые из реальной жизни. Установить характер такого рода изменений — значит определить направление, в котором рабочие коллективы перестраивают или только варьируют, приспособливают к своим потребностям фольклор самого различного происхождения.

При попытках решить эту задачу становится очевидной роль сопоставлений, с помощью которых выявляются особые «рабочие транскрипции», например, сказок, легенд, преданий, песен, заимствованных из устного творчества других классов и общественных групп.

Хотя круг произведений, созданных самими рабочими, значительно более узок, чем весь бытующий у них репертуар, специфика устного творчества рабочих проявляется лишь там, где развиваются тематика, образы, мотивы, подсказанные жизнью — трудом, бытом, практикой классовой борьбы пролетариата.

Социально-дифференцированный подход к фольклорному репертуару обусловлен пониманием классовой природы и сущности изучаемого явления¹.

Творцы фольклора выступают не только выразителями своей общественной среды, но и продуктом ее. Они вносят в произведения «ее симпатии и антипатии, ее мирозерцание, привычки, мысли и даже язык...²».

Различные элементы содержания образуют типологические черты рабочего фольклора. Они проявляются в идейно-тематической основе про-

¹ Ср., в частности, O. Sirovátka, Forschungsergebnisse und Erfahrungen auf dem Gebiete der Arbeiterfolklore in der Tschechoslowakei, «Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae», V, fasc. 3—4, Budapest, 1956, стр. 242.

² Г. В. Плеханов, Соч., т. X, стр. 10. См. также: Н. Ф. Бельчиков, Г. В. Плеханов — литературный критик, М., 1958, стр. 30 и след.

изведений, в системе образов и мотивов, почерпнутых из жизни рабочих, и воплощаются средствами языка, стилистики и поэтики. Различия условий жизни рабочих разных профессий или отраслей промышленного производства неизбежно получают отображение в содержании их устного творчества. Мир той или иной профессии накладывает свой отпечаток на тематику произведений, на подбор предметно-вещных деталей, с помощью которых создаются образы действующих лиц и повествовательные мотивы. Так возникают отраслевые «производственные» разновидности фольклора рабочих.

Подобно тому как особенности литературных жанров нельзя полностью установить лишь на материале данной национальной литературы, специфика рабочего фольклора не может быть вполне раскрыта только путем сравнений устного творчества разных классов и социальных групп в пределах одной национальной, этнографической, языковой общности. Типические черты рабочего фольклора проявляются по-разному в разных конкретных условиях исторической действительности каждого народа. При наличии различительных признаков в рабочем фольклоре разных народов выделяются и элементы постоянные, устойчивые. Они-то и характеризуют типологию изучаемого явления. Это обнаруживает метод сопоставлений рабочего фольклора разных народов, причем не только родственных. Если путем сравнений выявятся повторяющиеся черты, параллели и аналогии, то будет сделан шаг на пути к углубленному исследованию типических особенностей рабочего фольклора, неразрывно связанного со всей историей и культурой рабочего класса.

* * *

Мы ограничим данное исследование преимущественно старым фольклором горнорабочих и отметим только несколько параллелей и повторяющихся признаков в произведениях горняков разных стран. Нас будут интересовать образы из мира реальной действительности и отдельные повествовательные мотивы, в которых запечатлен трудовой, общественный быт горняков³.

Выявить материал по признаку типологического сходства можно лишь условно, отвлекая образы и мотивы из тех произведений, где они выполняют определенную выразительную роль и где они получают конкретное смысловое, идейное наполнение. Сравнения образов и мотивов — это предварительная черновая работа, которую можно назвать подступом к будущему «широкому сопоставлению сходных и отличных по своему характеру национальных исторических процессов развития фольклора»⁴. Необходимо подчеркнуть, что марксистская методология не отрицает возможности сравнений отдельных образов в произведениях разных писателей и различных национальных литератур. Сошлемся в этой связи на опыт Г. В. Плеханова, который свободно пользовался приемом простейших сопоставлений и устанавливал с их помощью аналогии между образами литературных персонажей. «Сходные социальные причины естественно порождают сходные психические последствия», — писал Г. В. Плеханов. И далее: «Немецкий крестьянин Траугот Бютнер очень многими чертами своего характера поразительно напоминает русского крестьянина Ивана Ермолаевича»⁵.

³ См.: Р. Р. Гельгардт, Фантастические образы горняцких сказок и легенд (К типологической характеристике старого рабочего фольклора), «Русский фольклор», VI, М.—Л., 1961.

⁴ См. выступление К. В. Чистова по проблемам теории фольклора на IV Международном съезде славистов, «Русский фольклор», V, 1960, стр. 311; см. также выступление Э. В. Померанцевой, там же, стр. 296—297.

⁵ Г. В. Плеханов, Соч., т. XI, стр. 398—399. Траугот Бютнер — герой романа фон Поленца «Крестьяне».

При современном состоянии изученности рабочего фольклора применение сравнительного метода не может вылиться в развернутые сопоставления целой системы признаков, которые являются типическими для устного творчества рабочих разных стран. Но сама система таких признаков может быть познана путем предварительных и частных сопоставлений.

* * *

А. М. Горький писал о том, как складывался в его представлениях обобщенный, собирательный образ героя сказочного фольклора: «Герои сказок, переходя из одной в другую, повторяясь, слагались мною в одно лицо, в одну фигуру»⁶.

Герои рабочих сказов с элементами сказочной фантастики, сказов бытовых и рассказов легендарного типа имеют много общих черт характера, одинаковых свойств и наклонностей. Переходя из одного повествования в другое, действующие лица раскрывают свой внутренний мир. Возникает обобщенный, собирательный образ персонажей рабочего фольклора.

Герои проявляют себя в действиях⁷. Конфликт требует, чтобы герой обнаружил такие качества своего характера, какие уместны или возможны в рамках данного эпизода. Личность человека освещается преимущественно с одной стороны.

В старом фольклоре горняков весьма распространен тип повествования с приметами жанра сказки или легенды. Полная форма его композиции складывается из последовательного объединения следующих мотивов: 1) Исходное положение — герой терпит бедствие, в его семье царит нужда, жена больна, дети голодают, жизнь становится невыносимой. 2) Герой полон отчаяния, он стремится найти выход. 3) Помощь приходит со стороны «тайных сил», и герой вступает в контакт со своим волшебным помощником, который обычно требует от него выполнения определенных условий. 4) Бытовое положение героя изменяется. Но исход конфликта зависит от его личных качеств.

Повествование не всегда содержит в себе все элементы, из которых складывается полная композиция сюжета. Одни из перечисленных мотивов могут отсутствовать, другие варьируют. Например, «тайная сила» иногда не сама вмешивается в жизнь горняка, а лишь откликается на его призывы о помощи; или — в жизни рабочего может не происходить особенно больших бедствий, что не помешает горным духам выступить в роли волшебных помощников, и проч.

В горняцких сказках и легендах выражаются определенные социальные и морально-этические идеи. Они проявляются даже в самой расстановке персонажей: «тайная сила» всегда стоит на стороне людей обездоленных и изнуренных тяжким трудом. Помощь получают горняки, попавшие в беду, или труженики, которые заслуживают поддержки, награды, поощрения за свои высокие нравственные качества и трудовые доблести. Но в облегчении своей участи нуждались все рабочие. Их надежды и чаяния были обращены к волшебным силам, вера в которые еще сохранилась. В образах волшебных помощников запечатлены черты анимистических воззрений. Мотивам помощи придается глубокий социальный смысл. Старый рабочий фольклор выдавал желаемое за совершающееся, мечту за действительность.

Связи героя с волшебными помощниками выражаются во взаимных обязательствах. Обязательства, принимаемые на себя горняком, должны

⁶ М. Горький, О литературе, М., 1953, стр. 767.

⁷ Изредка свойства характера героя прямо называются еще до того, как герой включается в динамику сюжета.

быть проверкой, испытанием его моральной стойкости, честности, бескорыстия, верности своему слову и проч. Часто испытание состоит из проверки действия, какое оказывает на человека материальная обеспеченность. Получая богатства, горняк подпадает под влияние мира зла и социального неравенства. Этот мир олицетворяется золотом, «через которое», как пели рабочие Урала, «слезы льются, руда кровью обливается»⁸. Если герой не выдерживает испытания, он бывает тяжело наказан⁹.

Нравственные устои рабочего обнаруживаются в его труде и в его личных связях с людьми. Отношение героя к общественной среде бывает различным. С товарищами по работе он дружен, столкновения же с начальством и другими представителями социально-враждебных сил принимают вид острых конфликтов.

По словам А. М. Горького, «даже и подневольный труд на грабителей мира все-таки увлекал и радовал...», потому что уважение ко всякому труду свойственно натуре рабочего человека¹⁰. Рабочий фольклор разных народов всегда оценивает людей с точки зрения их трудовой активности и полезности для общества. Горняк противопоставляет себя «большому господину», который не приносит пользы людям, что не мешает ему быть богато одетым и носить ордена — знаки мнимых заслуг¹¹. Любовь к труду и добросовестное к нему отношение считается едва ли не одним из наиболее важных положительных качеств человека. Но шахтовладельцы, заводчики в своей погоне за наживой не видели достоинств рабочего человека. И старые горняцкие сказки, легенды создавали «вымышленную действительность». Здесь горные духи, как подлинные хозяева земли, действуют по законам справедливости и поощряют горняков в их работе. Горняки понимают, как нужны они народу, какую огромную пользу они приносят. «Я добываю из шахты то, что облегчает многие работы», поется в песне немецких горнорабочих¹². Сами герои говорят о себе как о мастерах своего дела. Представители разных горняцких профессий — рудокоп, плавильщик, угольщик — считают свою деятельность наиболее полезной для общества¹³. Такое отношение к труду показывает, что социальное сознание рабочих уже достигло довольно высокого уровня.

Рабочие убеждены, что богатства земли принадлежат народу, и считают своим долгом добыть их и отдать людям. В фольклоре горняков рано проявляется чувство производственной сплоченности, трудовой, социальной солидарности. Оно руководит поступками людей. Это и выражается в содержании ряда мотивов. Например, рудокоп просит горного духа оказать помощь не ему одному, но всем товарищам¹⁴. Или, получив богатство, он делает много полезного для своих собратьев¹⁵. Зна-

⁸ Е. М. Блинова, Уральский фольклор, газ. «Уральский рабочий», 16 мая 1936 г.

⁹ Ср., в частности, один из вариантов этого мотива в легенде английских горняков о двух шахтерах — отце и сыне, вступивших в трудовое соглашение с горными духами («Revue des traditions populaires», II, № 9, Paris, 1887, стр. 415).

¹⁰ М. Горький, Литературно-критические статьи, 1937, стр. 620.

¹¹ См.: «Lied eines Kohlenbergmanns», в сб. К. Ch. W. Kolbe, Neues Berg-Reien-Buch oder Sammlung neuer bergmännischer Lieder lustigen und ernsthaften Inhalts, Halberstadt, 1802; см. также: Н. Троммер, Wo das Erz in Fülle blinkt. Bergmannsagen, Leipzig, [1956], стр. 160.

¹² Песня «Lob des Bergmannsleben», см.: Н. Троммер, Указ. раб., стр. 141; см. также: К. Ch. W. Kolbe, Указ. раб.

¹³ Песня «Der Bergmann, der Schmelzer und der Köhler», см.: К. Ch. W. Kolbe, Указ. раб.

¹⁴ Jar. Zahradník. O králi podzemních skřítků. Knižka o Karvině, стр. 152; A. Sivek, Hornické tradice, «Slezský sborník», Ročník 47, 1949, стр. 11.

¹⁵ F. Wrubel, Sammlung bergmännischer Sagen. Freiberg in Sachsen, 1883; легенду «Felix und das Mäuschen» см.: Н. Троммер, Указ. раб., стр. 130—135.

менательно, что когда горный дух уговаривает рудокопа взять себе больше сокровища земли, тот отказывается, считая их достоянием всего народа¹⁶. Устному творчеству рабочих чужды выражения мелкособственнической психологии, которая нередко дает о себе знать в произведениях крестьянского фольклора.

В собирательном образе горняка ярче всего запечатлеваются черты характера, которые сформировались под воздействием особых условий подземного труда. «Профессия горняков,— как справедливо отмечает Г. Рудольф,— накладывает резкий отпечаток на их жизнь во всех ее проявлениях, вплоть до интимно-личных»¹⁷. Воздействие особого мира горняцкого производства на содержание, на образную систему устного творчества было установлено и в фольклоре русских рабочих¹⁸, а также горняков Чехословакии¹⁹.

Производственные мотивы горнорабочего фольклора не имеют чисто описательного характера. Они всегда связаны с развитием действия и служат для показа реалистических героев.

Столкновения с силами природы были проверкой личных качеств горняка. В прошлом, когда уровень техники горного дела был крайне низким, рабочий с его примитивными орудиями труда нередко оказывался побежденным в поединке с силами природы. Смерть и увечья, постоянно угрожавшие горнякам, приучали их к бесстрашию. «Кого мне бояться, коли я в горé роблю?»,— спрашивает герой одного из литературных сказов, созданных на основе уральского рабочего фольклора²⁰. Условия трудового быта влияли на образ жизни людей, на их поведение: «Народ в горé вовсе потерянный. Такому что жить, что умирать — все едино. Безднадежный народ, самый для начальства беспокойный»²¹.

В рассказах горняков и в их песнях часто встречаются мотивы опасности подземной работы в результате ужасающих условий труда и отсутствия его охраны. Среди горняков Подмосковья бытовало речение при спуске в шахту: «Прощай, белый свет, да здравствует моя смерть» (в переложениях оно включалось в песню)²². Шахтеры пели о том, что они «носят смерть за плечами». То же в песне донецких рабочих: «До свиданья, белый свет! Я вернуся или нет...»; или «Шахтер рубит со свечами, носит смерть он за плечами»²³.

Нередко рассказы и песни были как бы откликами на случаи гибели рабочих. Среди местного населения Урала рассказывали страшные истории о Медной горе. Этот рудник называли «самым проклятым местом», где множество рабочих было «задавлено, изжевано, покалечено»²⁴. Подобные же мотивы находим и в песнях, сложенных донец-

¹⁶ Легенду «Lohn für Redlichkeit» см.: Н. Троммер, Указ. раб.

¹⁷ Gerhard Rudolph, Forschungsprobleme der Bergmannssage, «Internationales Kongress der Volkserzählungsforscher in Kiel und Kopenhagen» (1959), Тезисы доклада.

¹⁸ «Русское народное поэтическое творчество», т. II, кн. 1, М.—Л., 1955, стр. 90

¹⁹ O. Širovátko, Указ. раб., стр. 237; см. также: A. Šivek, Указ. раб.

²⁰ П. П. Бажов, Соч., т. I, М., 1952, стр. 29.

²¹ Там же, стр. 126. О жизни и нравах донецких шахтеров в дореволюционное время см.: А. В. Иванов, Песни и сказы Донбасса, Сталино-Донбасс, 1960, стр. 54, сл.; Н. В. Алексеева, Г. Успенский. Русская народная песня и ее собиратели, «Уч. записки ЛГУ», Серия филологических наук, вып. 16, 1949, стр. 222—223; ср. высказывание Томаса Джисборна о нравах английских горняков: Tomas Gisborn, These Specimens of the Contemporary Comment are quoted in J. L. and Barbara Hammond's the Skilled Labourer 1760—1832, Longman, 1919.

²² Полевые записи Р. С. Липец, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ГФ, ед. хр. 6. 1934, л. 115; Там же, 1949, л. 385.

²³ А. В. Иванов, Указ. раб., стр. 120—121

²⁴ П. П. Бажов, Соч., т. II, стр. 266.

кими шахтерами²⁵, горняками Сибири и Подмосковья²⁶. Рабочие «каждый день умирают от завалов», пели шахтеры — казахи Караганды²⁷. Чешские горняки сложили песню о большой катастрофе, случившейся в Отовицах по вине хозяев²⁸. В «Příbramské horní knihy» (1571) сказано, что шахты дают много серебра, но уносят у людей полжизни²⁹. В богемских рассказах нередко упоминаются стихийные бедствия, от которых рабочих охраняют горные духи³⁰. Горняки Англии пели об «ужасах тревожного гудка» («the sudden terror of the calamity whistle»). В английском горнорабочем фольклоре есть баллады и песни об опасностях работы в шахте. «Они умерли за 9 шиллингов в день», — говорили английский шахтеры о смерти своих товарищей, погибших по вине шахтовладельцев³¹.

И у горняков Франции и Бельгии бытовали произведения, в которых отражен подобный жизненный материал, причем реальные мотивы здесь переплетаются с мотивами волшебными³². Многие рассказы рудокопов Австрии и Германии также упоминают о катастрофах, о несчастных случаях, чаще всего в связи с горными духами, которые деятельно участвуют в жизни людей³³.

Характеризуя трудовой быт уральских рабочих, Д. Н. Мамин-Сибиряк писал, что «сравнение с нынешней каторгой слишком слабо рисует положение тогдашнего Урала... Недаром в уме простого русского человека понятие о всякой горнозаводской работе неразрывно соединялось с понятием о каторге»³⁴.

Сравнение шахтерской работы с каторгой встречается во многих произведениях старого рабочего фольклора. Оно верно отражало условия подземного труда и в период, когда рабочие уже не находились в крепостной зависимости. Шахтер «День и ночь... работает, ровно в каторге всегда», — так пели донецкие горняки о своей «проклятой жизни»³⁵. Или в уральской песне:

«В рудник-каторгу сажают,
Ах, да не выпускают»³⁶.

Английские шахтеры называли себя «настоящими рабами своих хозяев»³⁷. Полна трагического смысла песня, названная «Жалобы уголь-

²⁵ «Гибель коногона», «Что-то сердцу больно стало», «Песня коногона» и др. см.: А. В. Ионов, Указ. раб.

²⁶ А. А. Мисюрев, Легенды и были. Фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири, 2-е изд. (см. рассказ «Губили народ» и др., прим. на стр. 233); Полезные записи Р. С. Липец в Скопинском районе Рязанской области, Архив Ин-та этнографии АН СССР, ГФ, ед. хр. 6, лл. 328—329.

²⁷ Д. Шарабеков, Песни рабочих — казахов Караганды (дооктябрьский период), Автореферат канд. диссертации, Ин-т языка и литературы АН Казахской ССР, Алма-Ата, 1954, стр. 8.

²⁸ V. Karbusický, Naše dělnická píseň, Praha, 1953, стр. 33.

²⁹ См. также: Staré historický a pověry hornické z let šedesátých, «Československá Republika», 1932, № 48.

³⁰ J. V. Grohmann, Sagen aus Böhmen, Praga, 1863, стр. 192.

³¹ Песни «The Gesford Disaster», «The Perils of Mining», «The Collier's Lament» и др., сб. «Come all ye Bold Miners. Ballads and Songs of the Coalfields». Compiled by A. L. Lloyd, London, 1952.

³² См.: Р. Р. Гельгардт, Указ. раб. См. также статьи: R. Basset, A. Decubés, в журн. «Revue des traditions populaires», т. IV 1889, стр. 392—393.

³³ Легенды см.: Н. Громмер, Указ. раб.; см. также: Н. Größler, Sagen der Grafschaft Mansfeld und ihrer nächsten Umgebung. Eisleben, 1880.

³⁴ Д. Н. Мамин-Сибиряк, Город Екатеринбург. Исторический очерк, Собр. соч., т. 12, Свердловск, 1951, стр. 270.

³⁵ А. В. Ионов, Указ. раб. (песня «Шахтерская жизнь проклята»).

³⁶ В. П. Бирюков, Дореволюционный фольклор на Урале, Свердловск, 1936, стр. 273.

³⁷ A. L. Lloyd, Указ. раб. (см. «The Miner's Grievances»).

щика» («The Collier's Lament») ³⁸. Сходные мотивы легко найти в устном творчестве рабочих Германии и Австрии ³⁹, Бельгии и Франции ⁴⁰.

Предметное содержание мотивов, изображающих домашний быт и обстановку подземного труда, однотипно в рассказах и песнях горняков разных народов. Часто встречаются упоминания о темных, сырых, душных шахтах и штольнях, где люди должны были проводить дни и ночи ⁴¹. Рабочие рассказывали и пели о катастрофах, о притеснениях начальства, о бесправном положении и непосильном труде, который давал ничтожный заработок и не позволял избавиться от нищеты. Точность передачи жизненных фактов, документальная достоверность в изложении деталей обстановки труда, условий быта, отраженных горняцким фольклором, подтверждается многими сведениями архивных источников, устными хроникальными рассказами, историческими исследованиями и этнографическими описаниями.

* * *

Социальные воззрения горняков выявляются и в обрисовках ими своих врагов. Старый горняцкий фольклор был единодушным в резко отрицательных оценках представителей социально-враждебного лагеря. Эти персонажи выступают в том виде, в каком они воспринимались самими поработенными людьми. В рассказах и песнях горняков Урала, Сибири, Донбасса, Подмосковья, в фольклоре казахов Караганды говорится о прислужниках господ — приказчиках, управляющих, смотрителях, главных штейгерах и проч., которые истязают рабочих и наживаются за их счет. Они совершают эти преступления, пользуясь неограниченной властью над своими подчиненными ⁴².

Сказки и легенды немецких и австрийских горняков тоже упоминают о несправедливых и жестоких начальниках ⁴³. Их боятся и ненавидят за притеснения и злодеяния ⁴⁴. Немецкая легенда рассказывает, что штейгер в диком гневе убил рабочего ⁴⁵. Надсмотрщик намеренно вредит горняку и, желая сократить его заработок, направляет его в каменистый забой ⁴⁶.

Мотивы возмездия заводчикам и горным начальникам за их бесчинства относятся к числу наиболее распространенных в устном творчестве горных рабочих ⁴⁷. Но социальные протесты и мотивы борьбы за свои человеческие права в ранний период истории пролетариата были еще

³⁸ A. L. Lioyd, Указ. раб., стр. 70; ср. произведение «Жалоба шахтера» в указ. раб. А. В. Ионова.

³⁹ См.: Н. Громтер, Указ. раб. и др.

⁴⁰ См. раздел «Les mines et les mineurs» в журн. «Revue des traditions populaires» (цит. выше).

⁴¹ «Der todesschwangere Schacht» — так названа шахта в песне «Neue Kameradschaft», см.: J. Vogl, Aus der Teufe. Bergmännische Dichtungen, Balladen und Bergmanns-Lieder, Wien, 1856.

⁴² А. Гуревич, Песни и устные рассказы рабочих Сибири, Иркутск, 1940, стр. 11—12, 27—28, 45; А. Мисюров, Указ. сб., № 27, 37, 43; В. П. Бирюков, Указ. раб., стр. 184—185, 186, 282 и др.; М. Г. Китайник, Устные рассказы уральских рабочих, Свердловск, 1953, стр. 11 и др.

⁴³ См., например, Н. Weichelt, Hannoversche Geschichten und Sagen, Norden, o. J. (см.: «Die Teufelgrube bei Goslar»); F. Wrübel, Указ. раб. (см.: «Eine wahre Geschichte»), а также: Н. Громтер, Указ. раб., стр. 12 и сл.

⁴⁴ Н. Größler, Указ. раб. (см.: «Der Hüttenmeister Böse auf der Saigerhütte bei Hettstedt»).

⁴⁵ A. Witzschel, Sagen aus Thüringen, Wien, 1866 (см. «Das verwünschte Bergwerk bei Wilhelmsdorfe»).

⁴⁶ F. Wrübel, Указ. раб. (см. легенду «Schlechte Kameraden»), а также: Н. Громтер, Указ. раб., стр. 120—127.

⁴⁷ См.: А. Гуревич, Указ. раб., стр. 28; «Уральский современник», Свердловск, 1938, № 2, стр. 137, и мн. др.

лишены классовой политической направленности и часто разрешались в плане общих представлений о «справедливости» и о «нравственном долге». Врагов трудового народа карают «провидение», «бог», «небеса» или «горные духи». Французские и бельгийские шахтеры верили, например, что «высшая сила» наказывает владельцев горных промыслов и начальников за притеснения рабочих и подает знаки своего недовольства взрывами газа, затоплением шахт, обвалами, причиняющими хозяевам большой ущерб⁴⁸. По уральской сказке, приказчик в возмездие за свои злые дела гибнет в болоте⁴⁹. Песня рабочих Сибири приписывает кару, постигшую ненавистных насильников, вмешательству бога, у которого иссякло терпение переносить бесчеловечные поступки «власть имущих»: «Он терпел точно до время, Принабрал таких беремя, Бросил прямо в ад»⁵⁰. Другая песня выражает пожелания, чтобы всех злодеев «господь вверг в огненную геенну» и «предал сатанинскому плену»⁵¹.

По вине хозяев жизнь рабочих была страшнее ада (ср. сказку «Кузнец и черт»). И воображение горняков рисовало им торжество справедливости, которой не было в действительной жизни. Ад представляется местом, где хозяева получают полную меру наказания.

Мотив ада как места, куда попадают те, кто на земле был господином положения, встречается и в фольклоре английских шахтеров. Ад, как говорит один из персонажей баллады английских горняков, переполнен шахтовладельцами, и если в аду еще находится кое-кто из рабочих, то их выгонят оттуда, чтобы освободить место для хозяев⁵². Вероятно, в этом мотиве есть отголосок веры в догмат о загробном воздаянии, который внушался христианской церковью.

В произведении, сложенном английскими горняками по поводу закрытия шахты и массового увольнения рабочих, говорится о голоде, увеличивающемся с каждым днем, и о необходимости наказать хозяев, этих виновников всех бед: хозяева должны получить девять палочных ударов, причем «место побоев» предлагается посолить, чтобы нельзя было сесть⁵³. Как видно, ирония, сочетающаяся с гневом, была наивным и непосредственным проявлением стихийного протеста против гнета. Это еще далеко не та классовая ненависть, которая впоследствии станет двигателем революционной борьбы.

Заметим, в частности, что забастовочные песни рабочих Чехословакии, восходящие к периоду феодализма и предшествующие собственно рабочим песням, возникновение которых связано с началом в 1860—1870-х годах организованного рабочего движения, еще не содержат в себе революционных тенденций, отличающих собственно рабочие политические, агитационные песни⁵⁴.

Тема борьбы появляется значительно раньше того времени, когда рабочие осознали себя как класс, противостоящий буржуазии⁵⁵. Тема эта нередко разрешалась на местном материале, а произведения устного творчества выражали особые запросы рабочих данного предприятия и были направлены только против определенного хозяина, владельца рудников, шахт, заводов. Требования же рабочих ограничивались вопросами быта. Но борьба экономическая приобретала политический оттенок.

⁴⁸ «Revue des traditions populaires», III, № 10, Paris, 1888, стр. 500 и др.

⁴⁹ «Уральский современник», Свердловск, 1938, № 2, стр. 137.

⁵⁰ А. Гуревич, Указ. раб., стр. 40.

⁵¹ «Песни и сказки на Онежском заводе», Петрозаводск, 1937, стр. 33.

⁵² A. L. Lloyd, Указ. раб. (см. «The Coal-owner and the Pitman's Wife»).

⁵³ Там же (см. «The Durhan Lock-out»).

⁵⁴ См.: О. Sirovátka, Указ. раб., стр. 234.

⁵⁵ Ср. В. И. Чичеров, Русское народное творчество, М., 1959, стр. 454.

Ограниченность общественного сознания горняков в ранний исторический период показывает отсутствие у них представлений о непримиримости классовых интересов, о действенных способах ведения социальной борьбы и ее революционных целях. Рабочие просили хозяев улучшить их материальное положение, взывали к чувству жалости своих господ⁵⁶. Но хозяева, как говорили английские шахтеры, сживают людей со света, чтобы увеличить свои богатства⁵⁷.

Шахтеры Чехословакии жаловались, что у них больше нет сил терпеть голод и нищету⁵⁸. Возмущенные несправедливостью своих господ, богемские горняки приходят к выводу, что дальше так жить нельзя. Они видят, как обогащаются владельцы шахт, арендаторы и чиновники. Но чешские рабочие (и в этом проявлялись их социальные иллюзии) соединяли свои интересы с интересами короля, считая его другом тружеников и полагая, что врагами короля, как и их врагами, являются все, кто занимает господствующее положение в обществе и кто непосредственно управляет жизнью простого народа⁵⁹. Старинный словацкий фольклор рабочих также идеализирует королей. Например, сказки словацких крепостных сплавщиков соединяют с личностью короля Матвея свои мечты о герое, который покарает господ и защитит угнетенных⁶⁰.

Как известно, вера в царя сохранилась и у многих русских рабочих вплоть до революции 1905 г. Легенды горняков говорят, что наступит время, когда богатства земли станут собственностью народной, когда добро и правда восторжествуют и наступит справедливый общественный строй. Об этом повествовали русские рабочие сказы⁶¹. Право победит грубую силу и принуждение, пели английские шахтеры⁶². Рассказывая о торжестве добра, словацкие рабочие, как пишет А. М. Гуска, стремились уйти от «несправедливой действительности созданием иллюзии о лучшем и социально более справедливом будущем»⁶³.

Однако рабочие не оставались бездеятельными в ожидании времени, когда улучшится жизнь. Возмущенные жестокостью своих поработителей, они убивали их. На защиту обездоленных становятся народные мстители. Они страшны для хозяев и их сообщников. Рабочий фольклор наделяет защитников народа высокими достоинствами, идеализирует их, и легенды, характеризуя эти персонажи, пользуются средствами гиперболы и фантастики.

Предания, легенды русских горняков Сибири и Урала создают образы Кривоуцкого, братьев Белоусовых, Сороки, атамана Золотого и других «беглецов», «разбойников», «вольных людей», героев, связанных с местной историей. Эти бунтари-одиночки или группы «разбойников» поддерживают бедняков и мстят богачам, расправляются с заводским и рудничным начальством. Подобные же персонажи встречаются и в фольклоре других народов, например в словацких рабочих сказках⁶⁴.

⁵⁶ См., например, A. L. Lloyd, Указ. раб. («Geordie Black», «Fourpence a Day» и др.).

⁵⁷ Там же, стр. 94; в песне английских ткачей говорится: «Мне нечего есть, и одежда моя давно износилась в клочья... Мы работаем так шесть недель подряд, ожидая обещанных денег, непосильный труд измотал нас всех, и мы стали похожи на тени» (И. Маккол, Английский фольклор, «В защиту мира», 1953, № 29, стр. 74—75).

⁵⁸ A. Jirasék, Böhmens alte Sagen, Praga — Berlin, o. J., стр. 268.

⁵⁹ Там же («Die Bergknappen von Kuttenberg»).

⁶⁰ A. M. Húška, Slovenské pltnické zvykoslovie a folklór, «Slovenský národopis», Ročník III, číslo 3, Bratislava, 1955, стр. 352.

⁶¹ Ср., например, сказ «Гора Недотрога» (Из тагильских старинных преданий), саз. «Тагильский рабочий», 20 июля 1940 г., № 166, а особенно сказы П. П. Бажова, основанные на уральском горнорабочем фольклоре.

⁶² A. L. Lloyd, Указ. раб. (см. «The Miner's Grievances»).

⁶³ A. M. Húška, Указ. раб., стр. 352.

⁶⁴ Там же.

На ранних этапах освободительной борьбы в устном творчестве рабочих проявлялась та же самая черта, которая была отмечена В. И. Лениным как характерный признак социальных воззрений крестьянских масс, еще не вовлеченных в организованную классовую борьбу. Рабочая масса также «уже ненавидит хозяев современной жизни, но... еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»⁶⁵.

Социальная активность горняков усиливается по мере роста их классового самосознания, и в их устном творчестве все более и более отчетливо начинают звучать призывы к организованной борьбе⁶⁶.

Можно думать, что идеям классового единства, международной солидарности пролетариата, получившим столь яркое воплощение в массовой революционной поэзии, предшествовали представления о «трудовом братстве» рабочих разных стран, выраженные в произведениях устного творчества. Любопытно, что идея интернационализма, появившаяся в рабочем фольклоре, сначала ограничивается лишь миром горняцкой профессии и воплощается в образе «родины горняков»⁶⁷. По словам немецкой песни «Отчизна рудокопа»⁶⁸, родина эта не ограничена национальными рамками и государственными границами. Она находится в любом месте, где есть шахты, глубоко залегающие под землей, и где разрабатываются полезные ископаемые. Родина горняка везде, где живут его собратья по труду. В песне «Отчизна рудокопа» нет ни мотивов социальной борьбы, ни оценок общественного положения рабочих, не раскрыты в ней и связи с конкретными условиями исторической жизни народа. Можно думать, что идея интернациональной солидарности горняков могла зародиться на почве пережиточно сохранявшейся еще от средневековья цеховой, корпоративной замкнутости трудовых коллективов.

В русской массовой революционной песне (периода первой русской революции 1905—1907 гг.) «родина» мыслится как «отечество трудящихся». Рабочие осознали, что борьба с самодержавием и классом эксплуататоров — это и есть защита «родины всего трудового народа»⁶⁹

* * *

Предварительные сопоставления рабочего фольклора разных народов, проводимые с целью будущей обстоятельной типологической его характеристики, позволяют наметить некоторые черты общности, сходства не только в идеях, образах, мотивах, но и в направлениях исторического развития рабочего фольклора, в методах трактовки им жизненных явлений, а также в отношениях между устным творчеством рабочих и традиционным фольклором крестьян.

Фантастика в ранних рабочих сказах, конечно, не была «поэтической условностью или аллегорией»⁷⁰. Но мы полагаем, что органичность фантастики в этих произведениях обуславливалась общим характером анимистического восприятия мира горнорабочими XVIII — первой половины XIX века, а не «особым методом их художественного мышления»⁷¹.

⁶⁵ В. И. Ленин, Соч., т. 16, стр. 323.

⁶⁶ Ср., например, «Stand out, Ye Miners All» в указ. раб. А. Л. Lloyd.

⁶⁷ Ср. понятие «Bergheimat» (Saafnlob, Das lustige Buch der Erzgebirger, Leipzig, о. J., стр. 3).

⁶⁸ Песня «Des Knappen Vaterland», см.: М. Döring, Sächsische Bergreyhen, Grimma, 1839/40.

⁶⁹ См.: П. Г. Ширяева, Историческая тема в песенном рабочем творчестве 1906—1907 гг., «Славянский фольклор», М., 1951, стр. 118; ср. также В. Карбусицкий, Идея родины в старых чешских рабочих песнях («Hudební rozhledy», V, 1952).

⁷⁰ В. Е. Гусев, О художественном методе народной поэзии, «Русский фольклор», V. М.—Л., 1960, стр. 45.

⁷¹ Там же.

В противном случае пришлось бы признать, что всякое одухотворение природы уже есть акт художественного творчества. Это замечание прежде всего относится к рабочим сказам раннего периода, создаваемым только для того, чтобы как-то объяснить те природные явления, казавшиеся таинственными, с которыми горняк постоянно сталкивается в своем труде и которые впоследствии люди научились объяснять с помощью точных научных знаний. Ранние фантастические сказы рабочих еще были неразрывно связаны с такими видами трудовой деятельности, которые являлись средством для удовлетворения одной главной потребности — потребности в сохранении своего существования. Припомним здесь к стати, что не всякая мифология, «т. е. природа и общественные формы, уже переработанные бессознательно-художественным образом в народной фантазии», может быть «предпосылкой искусства» и его «материалом»⁷².

Историческая поэтика дает убеждающие примеры того, как на материале анимистических представлений создавались системы поэтических образов и возникали различные средства художественной изобразительности. Но произошло это лишь тогда, когда анимистические представления, выраженные в мифологии, стали развиваться в образы поэзии и использоваться как формы выражения поэтического содержания⁷³. Художественная сущность рабочих фантастических сказов раннего периода не осознавалась ни творцами-исполнителями, ни слушателями. Объективно художественные качества этих произведений стали раскрываться и оцениваться позднее по мере того, как мифология, фантастика, утрачивая свою связь с восприятием мира, переходили в область искусства и начинали восприниматься как выражение художественного поэтического вымысла. Установка на достоверность фантастического рассказа становится при этом чисто условной.

Наблюдаемые «тенденции усиления историзма и социальной конкретности познания действительности»⁷⁴ проявляются наиболее отчетливо именно в устном творчестве рабочих, прочно закрепленном за действительностью фактов реальной жизни и связанном с практическими потребностями труда, с нуждами быта, с задачами социальной борьбы.

Уже с раннего периода истории пролетариата начинают отражаться в произведениях, бытующих среди рабочих, разные стороны производственного быта, воззрения и социальные запросы тех или иных местных трудовых коллективов, объединенных общностью частных групповых интересов и производственной деятельностью. Эти специфические черты рабочего фольклора, вполне сложившиеся ко времени становления рабочего класса и выхода его под руководством социал-демократических партий на арену политической борьбы, перестают отражать новые явления и процессы жизни. Экономическая борьба против отдельных капиталистов повсюду перерастает в борьбу всех рабочих за политическую власть. С этого времени зарождается тенденция к тому, что мотивы и детали, почерпнутые из производственного быта, получают обобщенный характер, утрачивая свою первоначальную закреплённость за данным локально ограниченным фактом. Они используются лишь для выражения на конкретном жизненном материале идей революционной перестройки общества и освобождения всех трудящихся. Рабочий фольклор в его прежней («социально-жанрово-типической») форме уже не мог удовлетворять требованиям и запросам, какие рабочий класс стал предъявлять к произведениям словесного творчества. Творчество рабочих переходит на более высокую ступень. Это проявляется в расшире-

⁷² К. Маркс, К критике политической экономии, Госполитиздат, 1949, стр. 225.

⁷³ Ср. Л. И. Емельянов, Проблема художественности устного рассказа, «Русский фольклор», V, М.—Л., 1960.

⁷⁴ В. Е. Гусев, Указ. раб., стр. 41.

нии его социальных идей, которые приобретают общенародный характер, а также в интенсивном сближении с книжной средой и индивидуальной творческой инициативой, наконец — в переходе от речевых средств местных диалектов к литературному языку с его речевыми стилями.

Сходство образов и мотивов в рабочем фольклоре разных народов обуславливается сходством общественно-исторических ситуаций, социальных отношений, в конечном счете близостью или аналогичностью форм материального производства. Параллели, наблюдаемые в образной системе фольклора разных народов, случаи повторяемости в повествовательных мотивах рабочего фольклора могут отчасти объясняться и заимствованиями в результате исторической близости народов и развития международных культурных связей⁷⁵.

История рабочего фольклора имеет у разных народов не одинаковые хронологические рамки. Если время возникновения устного творчества рабочих относят в России к XVIII — началу XIX столетия, то в Германии и Чехии (Богемии) оно отодвигается к XVI веку. Необходимо изучать становление рабочего фольклора и пути его развития в конкретных условиях исторической действительности каждой страны и каждого данного народа.

Типологическая характеристика рабочего фольклора не может быть безотносительной к «типологии общественных явлений» в истории разных народов, потому что содержание произведений черпается из реальной действительности и само входит в состав примет, которые характеризуют те или иные жанровые формы. Но черты типологической общности, выявляемые с помощью сравнения рабочего фольклора разных народов, не сводятся к общности элементов содержания произведений, возникшей на почве общности типологии социальных явлений, которые отражаются в рабочем фольклоре. В комплекс типологических признаков фольклора рабочих входят также различные средства языковой выразительности, образительные формы, с помощью которых воплощается идейное содержание. Типологическому их истолкованию должен действовать прием сравнительного исследования.

SUMMARY

The article presents a comparative study of miners' folklore in various countries. It notes the common ideas, characters and themes apparent in the early history of the proletariat. Miners' folklore reflects their conditions of work, their outlook on life, their social demands. Common characteristics can also be found in the way this folklore developed in various countries, in its manner of interpreting social phenomena. These common characteristics arise from the similar conditions of historical development among the proletariat of different countries.

⁷⁵ См. В. М. Жирмунский, Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса, Доклад на IV Международном съезде славистов, М., 1958.